

СОБРАНІЕ СОЧНЕНІЙ

ЕГОРА ПЕТРОВИЧА
КОВАЛЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ И. И. ГЛАВУНОВА.

ТОМЪ III.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ, ВЪ 4-ХЪ ЧА-
СТЯХЪ, СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕ-
ТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1871.



Коп. Кобанский
Давидов-Дмит
1847г. издан.

ЗЮЛЬМА,

или

ЖЕНЩИНА НА ВОСТОКѢ.

(Ташкентъ).

Я жилъ въ Ташкентѣ и уже начиналъ свыкаться со своимъ грустнымъ житьемъ но надобно вамъ объяснить, что такое Ташкентъ?

Въ Средней Азiи, составляющей обширную впадину всей Азiи, раскинута на безграничномъ пространствѣ нѣсколько жилыхъ мѣстъ, нѣсколько городовъ, составляющихъ оазисы пустыни. Они образуютъ отдѣльныя ханства, которыя мѣняютъ также часто свой видъ, какъ и зыбучіе пески, окружающіе ихъ. Это дѣлается очень просто: городъ цвѣтетъ торговлею и красуется азіатскою роскошью; онъ возбуждаетъ зависть и алчность сосѣда, и вотъ непріятельскій набѣгъ; случай или сила благопріятствуетъ чуждому оружію: городъ разоренъ, богатства расхищены, жители уведены въ плѣнъ, изсякшіе каналы не поддерживаютъ болѣе плодородія и вскорѣ сугробы песку заносятъ развалины бывшаго города, и только изрѣдка, закинутый сюда прихотью судьбы, путникъ-европеецъ, остановится надъ этими развалинами и горько задумается надъ тщетою человѣческою.

Ташкентъ ни лучше ни хуже другихъ средне-азійскихъ городовъ, составляющихъ резиденціи ханствъ. Десять тысячъ низенькихъ, съ плоскими крышами, домовъ, разбросанныхъ въ самомъ прихотливомъ безпорядкѣ, обне-

сенныхъ большею частію стѣнами, и такимъ образомъ составляющихъ какъ бы отдѣльныя укрѣпленія; все это пересѣкается кривыми, узкими улицами и переулками, на которыхъ никогда не увидишь и двухъ-колесной повозки, не то чтобы другаго какого экипажа; посрединѣ довольно обширная площадь, гдѣ кипитъ народъ во всякое время дня, если нѣтъ молитвы въ мечети, куда, волею или неволею, идетъ онъ на зовъ меэзина; вокругъ стѣна, въ четыре сажени вышиною, мѣстами разрушенная, мѣстами увѣнчанная бойницами, — и вотъ вамъ Ташкентъ.

Ташкентъ и Коканъ, какъ слѣдуетъ двумъ добрымъ сосѣдямъ, ведутъ между собою безпрестанную войну; то подчиняются вмѣстѣ со своими городками и селами одинъ другому, то составляютъ два отдѣльныя ханства. Въ бытность мою въ Ташкентѣ, ханъ его, Юнусъ-Хаджи, разбилъ на голову коканское войско, схватилъ самаго хана, зарѣзалъ его, посадилъ въ Коканѣ правителемъ своего человѣка и такимъ образомъ сталъ въ головѣ довольно многочисленнаго и сильнаго народа.

Странно! въ судьбѣ этихъ двухъ народовъ очень часто играетъ главную роль женщина: говорятъ, такъ ужъ имъ опредѣлено свыше! Еще недавно Коканъ, слитый воедино съ Ташкентомъ, выдерживалъ трехъ-лѣтнюю войну противъ Бухары и наконецъ, въ прошломъ году, покоренъ ею, — и причиною этому всему была женщина. Вотъ какъ было дѣло: — но я отступаю отъ своего предмета; что дѣлать, старость болтлива! — Мегемедъ-Али, ханъ коканскій, послѣ смерти своего отца, женился на старшей его женѣ. Бухарскій ханъ, облекшій самъ себя званіемъ эмира, какъ блюститель магометанскаго закона, потребовалъ расторженія этого брака; мало, вы-

дачи преступной жены и муллы, совершившаго такой бракъ, для поступленія съ ними по законамъ. Само собою разумѣется, что Мегеметь-Али хотѣлъ быть самъ властителемъ своихъ поступковъ; муллу бы то онъ можетъ быть и выдать, а ужъ жены ни кому не хотѣлъ уступить безъ бою, и вотъ загорѣлась война, продолжавшаяся три года; война, которой послѣдствія мы уже описали; прибавимъ къ этому, что и ханъ, и незаконная жена его, и преступный мулла попались въ плѣнъ; мулла уже казнень, съ ханомъ поступать, вѣроятно, какъ поступаютъ ханы другъ съ другомъ, а жена, — но поступки эмира не подлежатъ нашему суду. *)

Въ Азїи двѣ породы людей, совершенно отличныхъ одна отъ другой въ нравственномъ отношеніи: это люди осѣдлые и люди кочевые. Человѣкъ осѣдлый — рабъ безусловный своего властителя; въ немъ только и чувства, только и страсти, что стремленіе къ барышу, къ наживѣ. Человѣкъ кочевый свободенъ, какъ птица небесная; удалство, баранта, вотъ сфера, въ которой онъ обращается; отсюда вѣчная борьба этихъ двухъ народовъ между собою. Окружите ихъ природою, находящейся также во враждѣ съ людьми; сосредоточьте страсти людей въ одну, которая, вслѣдствіе того, превращается въ изступленіе; накиньте на все это мрачный покровъ фатализма, — и вотъ вамъ нравственный міръ средне-азійской пустыни, на горизонтѣ котораго, яркой звѣздочкой блещетъ любовь женщины, та дикая, замѣняющая всѣ чувства, всѣ страсти, всеокрушающая, все-

*) По новѣйшимъ извѣстіямъ, Коканъ уже сбросилъ съ себя чуждое владычество и правится племянникомъ зарѣзаннаго въ Бухарїи хана. (1843).

оживляющая любовь, о которой мы не имѣемъ понятія. Тамъ женщина, въ своемъ заточеніи, только и живетъ для любви; ее обдумываетъ она въ длинные дни одиночества, ее лелѣетъ, ею гордится и красуется; она не знаетъ другихъ сердечныхъ волненій; она чужда мученій нашего свѣта, въ которомъ изнываетъ бѣдное женское сердце, это сокровище любви, бережно сохраняемое на Востокѣ только для того, кому назначить его судьба; и только любви, одной любви просить она за все самопожертвованіе; и какъ страшится, какъ дрожитъ она за эту любовь. Неидетъ ли въ урочный часъ ея властитель-мужъ, и она бѣется по комнатѣ, какъ бѣдная птичка, завидѣвшая изъ клѣтки своихъ птенцовъ, и ревность западаетъ ей въ сердце, а ревность женщины на Востокѣ ужасна! она проявляется или яростію львицы, защищающей своихъ дѣтенышей, или мертвенностію отчаянія беспредѣльнаго. — Я расскажу одинъ случай: воспоминаніе живо, ярко развиваетъ предо мною свитокъ событій, едва я коснусь его.

Мы кочевали около Сыръ Дарьи. Въ караванѣ общее вниманіе возбуждала женщина, о красотѣ которой рассказывали чудныя вещи, хотя лице ея было всегда закрыто, и едва ли кто изъ рассказчиковъ видѣлъ его. Женщина эта уже нѣсколько лѣтъ была женою какого то богатаго хивинца, но Аллахъ не благословилъ ее дѣтьми, и вотъ она отправилась на поклоненіе какому то святому мужу, и теперь возвращалась домой. Все это мнѣ говорилъ очень подробно и очень красно нашъ толстый караванъ-баши, какъ вдругъ общая суматоха прервала его разглагольствованіе. Вдали открыли всадника, и караванный людъ былъ увѣренъ, что это передовой солдататай какой-нибудь баранты, которая не замедлитъ

грянуть на караванъ. Все столпилось въ кучу, вооружилось какъ могло, хотя для того болѣе, чтобы придать себѣ грозный видъ и дешевле откупиться отъ баранты; но общій страхъ вскорѣ разсѣялся; всадникъ ѣхалъ прямо къ каравану, безъ всякихъ предосторожностей, и вскорѣ узнали, что это братъ нашей незримой красавицы. На другой день, рано до зари, поднялся караванъ и степь опять опустѣла. Мы всегда оставались на мѣстѣ нѣсколько времени по уходѣ каравана и потомъ догоняли его на-рысяхъ; Джюлума *) наша уже была снята и мы любовались, какъ покинутые огоньки переигрывались между собою, то накидывая длинную тѣнь вдаль, то ярко освѣщая окрестную пустыню. У одного изъ этихъ огоньковъ, мы замѣтили человѣческую фигуру и подошли къ ней, надѣясь найти такого же запоздалаго и лѣниваго путника, какъ мы сами. Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, по одеждѣ, ту самую красавицу, о которой слышались столько чудесъ. Она была не движима. Вѣтеръ спалъ съ нея покрывало. Въ лицѣ ея, полномъ красоты и молодости, какъ бы замерла жизнь въ минуту страшныхъ, судорожныхъ мученій; только пара движущихся, словно дѣйствіемъ внутренняго механизма, зрачковъ, обнаруживала признаки жизни въ этой женщинѣ. Поодаль отъ нея, братъ ея садился на коня и уводилъ съ собою другаго; мнѣ стало страшно *за нее*; я кинулся къ всаднику и остановилъ его.—А она? спросилъ я.—Она остается здѣсь.—Какъ, здѣсь?—А чтожь ей дѣлать въ Хивѣ: мужъ измѣнилъ и отказался отъ нее.—И онъ уѣхалъ.

*) Джюлума, дорожная киргизская кибитка, родъ войлочной палатки.

Мы подошли было къ покинутой всѣми страдальцѣ и хотѣли убѣдить ее ѣхать вслѣдъ за караваномъ, но она, медленно приподнявъ руку, вынула изъ-за пояса обнаженный кинжалъ: знакъ былъ очень понятенъ, и мы удалились.

Въ этомъ положеніи останется несчастная, пока воронъ не выклюетъ ей глазъ, пока вѣтеръ не приклонитъ къ землѣ и песчанья сугробы не занесутъ ее.—

Обращаюсь къ своему предмету: воспоминаніе о немъ и теперь возмущаетъ мою душу.

Я сказалъ, что начиналъ свыгаться со своимъ грустнымъ житьемъ въ Ташкентѣ. Да, жизнь европейца-немагометанина не завидна въ Средней Азіи. Рѣдкій изъ тѣхъ немногихъ, которые вернулись оттуда, можетъ похвалиться, что онъ не отвѣдалъ яда, не испыталъ побоевъ, или покрайней мѣрѣ не посидѣлъ въ ямѣ, что замѣняетъ тамъ наше тюремное заключеніе. Довольно вспомнить объ одномъ Вольфѣ, который едва ли не вытерпѣлъ всѣхъ пытокъ, былъ продаваемъ на всѣхъ рынкахъ Средней Азіи, и—какъ объяснить странность человѣческой природы—этотъ Вольфъ, вспоминая очень хладнокровно о своихъ бѣдствіяхъ, не могъ говорить безъ выраженія особенной досады о томъ, что разъ его продали дешевле, чѣмъ его слугу.—А участь Муркрафта, Коноли и наконецъ Бюрнса, или Сикендеръ-Бурноса, какъ называли его въ Азіи? Положеніе мое, правда, было не таково: я пользовался, хотя по наружности, дружбой хана и, вслѣдствіе того, уваженіемъ окружающихъ его. Мнѣ предоставлена была по-видимому совершенная свобода, но я зналъ, что за поступками, за всѣми движеніями моими строго слѣдятъ, и рѣдко показывался въ городѣ; жилъ между своими, изрѣдка развле-

каемый посѣщеніемъ своихъ ташкентскихъ друзей и не мѣшался въ ихъ интриги. Прекрасный садъ, расположенный у самого нашего дома и здоровый климатъ, которымъ одинъ Ташкентъ, изъ всѣхъ средне-азійскихъ городовъ, можетъ похвалиться, да развѣ еще Самаркандъ,—все это дѣлало существованіе мое очень сноснымъ. Но вдругъ неожиданное произшествіе разрушило весь міръ моей жизни.

Поздно вечеромъ, не знаю какъ, прокралась ко мнѣ, ни кѣмъ не замѣченная, старуха, негритянка: таинственно подошла она ко мнѣ и, наклонившись къ уху, произнесла шопотомъ: счастье валится тебѣ съ неба; ты и во снѣ не бредилъ о такой благодати.

— Ступай за мной.

— Куда?

— Это ужъ мое дѣло.

— И мое также.

— Съ ума сойдешь отъ радости, когда узнаешь. Счастливецъ, счастливецъ, продолжала она, глядя на меня съ улыбкой и качая головой. Тебя зоветъ Зюльма. Зюльма, что краше самаркандской розы, Зюльма, любимая жена хана.

Я не пойду, отвѣчалъ я равнодушно.

Всѣ убѣжденія негритянки были тщетны; я твердо помнилъ, что пріѣхалъ сюда не для любовныхъ интригъ, и не поддавался никакимъ искушеніямъ. Взбѣшенная, убѣждала она, но не прошло и получаса, какъ мнѣ доложили, что негритянка ожидаетъ меня.

— Прости меня, старую дуру, что я не такъ передала тебѣ волю ханши и не выдай меня злосчастную. Зюльма рѣшилась принять тебя по просьбѣ хана, который, видишь, хочетъ тебѣ показать этимъ особенную свою

дружбу. Самъ ханъ у нея, и они прислали звать тебя.

Это было довольно правдоподобно. Женщины въ Средней Азіи менѣе недоступны чѣмъ въ Турціи или въ Малой Азіи, и еще недавно Султанъ-Букей угощаль меня въ кибиткѣ старшей изъ своихъ женъ. Я также зналъ сильное вліяніе Зюльмы на хана и народъ, и потому, хотя не безъ нѣкотораго сомнѣнія, отправился за негритянкой.

Было поздно. Ташкентъ спалъ подъ сѣнію Кара-тау, который, какъ вѣрный пѣстунъ, берегъ его отъ песчаныхъ урагановъ степи. Сады, обнимающіе отовсюду городъ, навѣвали прохладу и благоуханіе. На душѣ было легко и весело; но это отрадное чувство безпрестанно возмущается въ городахъ Востока; мы коснулись главной площади, на которой возвышалась пирамида изъ головъ человѣческихъ, недавній трофей, прибрѣтенный въ побѣдѣ надъ коканцами; такихъ пирамидъ нѣсколько за городомъ: онѣ составлены изъ головъ киргизскихъ, которымъ нѣтъ того почета, какъ коканскимъ; далѣе, мы едва не задѣли за ноги ташкентца, торчащаго на колу: выкатившіеся глаза его сверкали страшно и искаженное судорогами предсмертныхъ мукъ лицо навело бы ужасъ на непривыкшаго къ подобнаго рода зрѣлищамъ. Не подумайте, однако, чтобы Юнустъ-Хаджи былъ какой-нибудь необыкновенный тиранъ; нѣтъ! онъ былъ Средне-Азіискій ханъ. За то вполнѣ заслуживаль уваженіе за другія свойства; силою непреклонной воли, онъ успѣлъ соединить во-едино разнородныя части своего ханства, которое разрушалось отъ междоусобій и безначалія, и заставить страшиться своей власти сосѣдей. Его упрекали въ одной слабости, излишней страсти къ своей Зюльмѣ, за которую онъ воеваль съ коканскимъ ханомъ и

готовъ былъ сразиться съ цѣлымъ свѣтомъ, но справедливъ ли этотъ упрекъ?

Наконецъ мы достигли жилища Зюльмы. Въ комнатѣ, слабо освѣщенной, на коврахъ, насланныхъ въ нѣсколь-ко рядовъ, сидѣла женщина, до половины закрытая покрываломъ, вмѣсто уродливаго халата съ черною сѣткою на лицѣ, подъ которымъ обыкновенно скрываются здѣсь женщины; голова ея, какъ созрѣвшій виноградный гроздь, склонялась долу; по колебанью покрывала видно было, что дыханіе ея было тяжело и прерывисто; она была одна. Ни словомъ, ни малѣйшимъ движеніемъ, она не привѣтствовала меня; удивленіе мое возрасло еще болѣе, когда старая негрятка ушла и щелканье ключа доказало мнѣ ясно, что мы были заперты, герметически заперты. Я игралъ очень жалкую роль, стоя, безмолвный и неподвижный, передъ закутанной въ фату ханшей.

— Послушай, сказала она мнѣ наконецъ, ты оскорбилъ меня, тяжело уязвилъ меня прямо въ сердце, ты презрѣлъ меня, отказавшись отъ свиданія, за которое бы другіе отдали полъ-жизни, отдали бы жизнь свою; ты не пришелъ на голосъ Зюльмы, но явился по приказанію ханши; ты былъ овечкой, вмѣсто того, чтобы быть человекомъ, благодарю и за то; я и не ждала другаго отъ феринга *). Ты думалъ, что я зову тебя на ложе любви... и Зюльма судорожно смѣялась... тебя... Да проститъ тебя Аллахъ! тебя, бѣдный, жалкій и блѣдный, какъ полинялый, изношенный халатъ.

Изливъ свой гнѣвъ въ самыхъ язвительныхъ насмѣшкахъ, показывавшихъ ясно въ какой степени было задѣ-

*) Ферингъ—Европеецъ.

то ея женское тщеславіе, она вдругъ замолегла, какъ бы вспомнивъ, что не слишкомъ ли ужъ многое высказала мнѣ. Я выслушалъ все съ хладнокровіемъ, истинно европейскимъ, которое еще болѣе раздражало ее и когда она перестала говорить, произнесъ прощальное слово.

— Постой, воскликнула она, вскочивъ, какъ изступленная, и часть покрывала, откинувшись назадъ при ея судорожныхъ, а можетъ преднамѣренныхъ движеніяхъ, открыла лицо, исполненное красоты; въ немъ не было той античной правильности, въ которой господствуетъ величіе и холодность: ея красота была разнообразна и неуловима, какъ ярко-мечущій брызги водопадъ; лицо, то блѣдное какъ слоповая кость, то покрытое румянцемъ, глаза черные, какъ смоль и яркіе, какъ огонь; алія, непрерывно движушіяся губы и эти стиснутые перлы зубовъ,—все говорило душѣ и отъ души; все въ ней было огонь и нѣга.

— Ты безъ чувства, безъ состраданія ко мнѣ, — пусть такъ; но не за себя я стану просить тебя; выслушай: есть женщина, она также изъ Ференгистана; молится тому же Богу, которому молишься и ты; также чувствуетъ, также думаетъ, какъ ты, и эта женщина страдаетъ, невыносимо страдаетъ, день и ночь молить своего Бога о спасеніи, и нѣтъ спасенія....

— Скажи, что я могу сдѣлать? выкупить ее, просить хана.... я готовъ.

— Выкупить... просить хана... попробуй вырвать добычу изъ когтей тигра, когда онъ почуялъ запахъ крови! Эта женщина въ рукахъ самого хана, и не сегодня завтра сдѣлается его наложницей. Надобно его предупредить... слышишь ли, надобно ее похитить и выпустить на волю, какъ птичку къ празднику.

— Ты знаешь мои отношенія къ хану, ты знаешь нашу дружбу.....

— Такъ гдѣ же позоръ христіанкѣ быть наложницей.... Все это были сказки.... и ты самъ, конечно ты добылъ для хана эту невѣрную.... Ты мнѣ говоришь о своей дружбѣ съ ханомъ, которую продашь за теньку, съ ханомъ, который бы тебѣ давно надѣлъ петлю на шею, если бы не боялся мести.... Ты мнѣ станешь говорить о страхѣ Божиємъ, торгуя невинностью своей соотечественницы, кяфиръ проклятый.

— Есть мѣра всему, воскликнулъ я, выведенный наконецъ изъ терпѣнія....

— А, ты сердиться! значить у тебя есть сердце. Послушай же меня, мой милый, мой сердечный, вѣдь я тебѣ не объяснила дѣла.... ты не понялъ меня, и потому такъ упорно воспротивился моей волѣ. Видишь ли, я такая нетерпѣливая.

Да, я это ясно видѣлъ, и если ханша радовалась, открывши во мнѣ *признаки* сердца, то я сдѣлалъ не менѣе важное геологическое открытіе, именно, что эта женщина принадлежитъ къ *породѣ вулканической*, и скорѣе согласился бы стоять у жерла самаго Везувія во время его изверженія, чѣмъ быть въ тогдашнемъ моемъ положеніи. Я очень понималъ, чего хотѣла она,—избавиться отъ соперницы, которая могла похитить у нея власть надъ ханомъ и народомъ, и для этого избрала меня орудіемъ; тѣмъ не менѣе, однако, эта соперница была христіанка, я это зналъ и прежде, и съ ужасомъ отвергнула всѣ предложенія хана. Я былъ униженъ, попрянь въ глазахъ ханши, которая, не зная и не желая знать моихъ отношеній къ властителю Ташкента, не могла объяснить себѣ моего поступка иначе, какъ трусостію, а что можетъ быть презрѣннѣе трусости въ

глазахъ женщины и особенно азіатки, незнакомой съ высокими добродѣтелями Европы, гдѣ поступокъ мой назвали бы великимъ *гражданскимъ героизмомъ*. Но ханша казалось рѣшилась на все, чтобы только приобрьсть во мнѣ ревностнаго содѣйствователя своей воли. Она ласково взяла меня за руку и усадила возлѣ себя; рука ея, съ которой скатилась за-локоть рубаха, рука бѣлая и чудно округленная, обвилась вокругъ моей шеи, грудь колебалась у моей груди, дыханіе ея жгло меня и кружило воображеніе.

— Ты не бойся, говорила Зюльма, тутъ тебѣ не угрожаетъ ни малѣйшей опасности. Мы все устроимъ: завтра утромъ ты простишься съ ханомъ, а ночью я пришлю тебѣ его плѣнницу, — это уже мое дѣло какъ достать ее, — ты зашей ее въ тюкъ, да помѣсти въ свои парталы и до разсвѣта выступи въ путь; никто и не догадается, что за товаръ ты везешь; осматривать вьюковъ вашихъ не будутъ, я это знаю. Такъ чегожь тебѣ бояться? А если ханъ и спохватится на другой день, чтожь? Хоть бы и погоню послалъ за вами, и то не бѣда: побойтесь защищаться, — бросьте краденую вещь, оставьте невѣрную, и ступайте съ Богомъ.

— Ханъ растерзаетъ ее и ты будешь спокойна, сказалъ я, едва переводя дыханіе отъ сильнаго волненія.

— Ханша не отвѣчала, по она глядѣла на меня съ такою ясною улыбкой, что я понялъ ея отвѣтъ.

— А не нужна тебѣ эта невѣрная, — промѣняешь ее выгодно въ степи султану Абдуль-Хаиру: отъ него никто не вырветъ ее; и я тебѣ дамъ денегъ... Вотъ, видишь, ты и согласился, свѣтлое солнце моей жизни.

— Нѣтъ, я не согласился! воскликнулъ я, съ усиленіемъ расторгая ея объятія, какъ бы расторгнулъ цѣпи въ

минуту крайней опасности. Я не согласился, повторилъ я, страшась и самой мысли быть участникомъ ея дѣла и слясь разрушить очаровательный сонъ, который она навѣяла на меня.

— А, ты не согласился. Ты обмануль меня.... ты только хотѣлъ упиться моими ласками. Такъ знай же, въ нихъ отравя; никто не упивался ими безъ кары ужасной или безъ наслажденія райскаго. Пускай будетъ моя погибель, но погибнешь и ты.—Она позвала свою негритянку.—Ступай! Зови сюда хана. Пусть видитъ мою преступную связь съ нимъ,—она указала на меня,—и накажетъ насъ судомъ Божиимъ. Чтожь ты стоишь? иди! зови его, не то я крикомъ своимъ созову весь свѣтъ.

Несчастливая ханша едва могла говорить, задыхаясь отъ гнѣва; негритянка сначала сочла ее кажется за сумасшедшую, но послѣдняя угроза привела ее въ совершенное отчаяніе: она хорошо знала, что ожидало ее въ такомъ случаѣ, если бы ханъ узналъ о моемъ присутствіи здѣсь и съ воплемъ кинулась къ ногамъ Зюльмы.

— О, пощади меня, старуху, всегда тебѣ вѣрную, пощади себя; умереть страшно, а такую смертью, какую придумаетъ ханъ... пощади, пощади насъ, вопила она.

Истериическій смѣхъ и рыданія Зюльмы прервали ея проклятія; изнеможенная напоромъ гнѣва и ревности, она безъ чувствъ упала на землю.

О, какъ было больно, невыразимо больно глядѣть на ея страданія. Въ ту минуту я забылъ о собственномъ своемъ положеніи, а оно было не безопасно, потому что шумъ, произведенный Зюльмою, могъ привлечь ревнивый дозоръ хана или чуткій слухъ ея соперницъ, которыя конечно воспользовались бы этимъ случаемъ для па-

губы ея. Не знаю, долголь оставался бы я въ комнатѣ ханши, если бы негритянка не вывела меня оттуда и почти силою не вытолкнула за-ворота перваго двора, предоставивъ собственному произволу; но я хорошо зналъ Ташкентъ и въ лабиринтѣ его улицъ отыскалъ безъ труда свое жилище

На другой день только и говорили въ городѣ, что о христіанкѣ, плѣнницѣ хана, внезапно исчезнувшей изъ своей комнаты. Хотя эти толки велись шопотомъ и съ видомъ глубокой тайны, тѣмъ не менѣе однако они были общіе всѣмъ; говорили, что дьяволъ похитилъ плѣнницу; другіе видѣли, какъ она порхнула птицей изъ слуховаго окна, называли даже колдуна, превратившаго ее въ птицу, котораго ханъ велѣлъ отыскать и повѣсить. Но люди, болѣе недовѣрчивые, ташкентскіе скептики, сомнительно качали головою и спрашивали: «а кровь? Отчего очутилась кровь въ комнатѣ плѣнницы?» Но ни кто не дерзнулъ прибавить къ этой исторіи имя Зюльмы. Хана я не видѣлъ нѣсколько дней, какъ ни силился дойти до него: мнѣ было необходимо нужно съ нимъ видѣться, потому что жестокости, которыми онъ ознаменовалъ эти дни, большею частію разражались надъ нашими плѣнными.

Плѣнница хана была французенка, родомъ, какъ кажется, изъ Пондишери... Исторія жизни ея исполнена произшествій чрезвычайныхъ. Ее коротко знаетъ Вольфъ, который и теперъ живетъ въ Лондонѣ и наслаждается своимъ счастьемъ, такую дорогою цѣною купленнымъ.



*

онъ примирился съ Казимъ-беемъ, родственникомъ Достъ-Мухамметъ-хана и съ однимъ изъ сыновей его, а черезъ нихъ и съ самимъ Достъ-Мухамметомъ и въ послѣдствіи игралъ роль во всеобщемъ возстаніи въ Авганистанѣ. Жизнь тревогъ и битвъ сдѣлалась любимою его сферою со времени потери Фатымы, о которой онъ не переставалъ вспоминать, а можетъ быть и теперь еще вспоминаетъ.



ТУРКМЕНЕЦЪ

РАХМАНЪ-АЯЗЪ.



Ужасная, въ высшей степени трагическая развязка произшествія, которое я сейчасъ стану рассказывать, случилась два года тому назадъ, на глазахъ всей Бухары и двѣнадцати человѣкъ Русскихъ и конечно глубоко врѣзалась въ памяти послѣднихъ, конечно каждому изъ нихъ не разъ повторялась во снѣ, живо являлась возмущенному воображенію женщина, юная и прекрасная, изнемогающая въ судорожныхъ мученіяхъ, съ которыми никакая пытка не можетъ сравниться. Съ грустію я долженъ сказать, что слѣдующее событіе, какъ ни ужасно оно, случилось во всей своей ужающей истинѣ, и что явленія подобнаго рода не рѣдки на востокѣ.

Туркменецъ Рахманъ-Аязъ кочевалъ на караванномъ

пути между Мешгедомъ и Хивой. Все достояніе его состояло изъ жены, Киргизки, вымѣненной имъ гдѣ-то близъ Каспійскаго моря на двухъ верблюдовъ и лошадь, — жены, какъ можете судить по цѣнѣ, не слишкомъ бойкой и красивой, одного верблюда, доставшагося ему впоследствии, при разграбленіи какого-то каравана, добраго коня, добытаго въ барантѣ и десяти овецъ, не знаю какъ приобрѣтенныхъ; но Рахманъ не сокрушался отъ своей бѣдности, и много-ль нужно для жизни сына степей; былъ бы верблюдъ, на которомъ могъ бы онъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, да конь, чтобъ рыскать по безграничному сухому океану степей, да нѣсколько овецъ, снабжающихъ кочеваго человѣка пищею и одеждой, — такъ онъ и счастливъ. Свобода и степь, степь и свобода, — вотъ его роскошь, его счастье. Послѣ родной степи, Туркменецъ любилъ болѣе всего своего добраго коня, потомъ жену, потомъ уже кумысъ. Аязъ былъ молодъ и безпечень, какъ истый Туркменецъ; зиму проводилъ въ гибиткѣ, въ совершенномъ бездѣйствіи мысли и тѣла, большею частію предаваясь сну: лѣтомъ водилъ караваны, и, какъ человѣкъ расторопный и отважный, очень нравился караванъ-башѣ, бухарцу Рахимъ-баю, который проходилъ непремѣнно два раза въ годъ этимъ путемъ и всегда бралъ съ собою Рахманъ-Аяза въ Бухару. Отсюда проистели всѣ его бѣдствія: принятый въ домъ караванъ-башы, какъ человѣкъ близкій, покровительствуемый хозяиномъ, онъ увидѣлъ дочь его, и новое чувство, котораго бѣдный Туркменецъ не понималъ, возродилось въ немъ и преобразило его.

На востокъ любовь вспыхиваетъ, какъ норохъ. Тайственное покрывало женщины, скрывая ее отъ преступныхъ взоровъ, раздражаетъ любопытство, подстрекаетъ

желанія правовѣрныхъ, и если это покрывало, какъ нибудь нечаянно или съ намѣреніемъ спадеть съ лица женщины, если это лице не дурно, — мысль обладанія имъ быстро заражается въ душѣ мусульманина; препятствія только раздражаютъ его. Это можетъ быть не любовь, но чувство эгоизма, страсть къ преобладанію, столь общая на востокѣ. Впрочемъ, я не хочу разбирать фізіологически вопросъ, столь важный; я представилъ вамъ только фактъ.

Туркменецъ былъ хорошъ собою и потому не могъ не понравиться Нюръ-Пашѣ, которая можетъ быть впервые увидѣла сторонняго мужчину; они нашли случай объяснить, и вскорѣ Рахманъ-Аязъ приступилъ къ караванъ-баши съ просьбою, чтобъ тотъ отдалъ ему дочь свою. Надобно вамъ сказать, что караванъ-баши, т. е. глава-каравана, лице важное въ Средней Азій, удостоиваемое этого званія большею частію выборомъ самаго хана, всегда богатое, слѣдственно пользующееся общимъ уваженіемъ и привыкшее къ деспотической власти въ своемъ караванѣ. Рахимъ-бай былъ по преимуществу караванъ-баши, по преимуществу таджикъ *), человекъ, у котораго вмѣсто души были счеты, и онъ при всякомъ случаѣ повѣрялъ на нихъ свои барыши и убытки, или безмѣнъ, на которомъ онъ взвѣшивалъ отношенія свои къ людямъ.

*) Таджики коренные обитатели Бухарскаго ханства; они занимаются почти исключительно торговлею; скупы, лживы, трусливы въ высочайшей степени. Какъ бы для противоположности, маленькая и черная душенка ихъ находится въ прекрасномъ гѣлѣ. Таджики высоки, стройны, съ прекрасными, полными выраженія черными глазами, римскимъ носомъ и правильными чертами лица.

«А можешь ли ты заплатить за дочь мою выкупъ верблюдами и разными товарами всего до 400 тиллъ» (около 6000 руб. асс.), спросилъ насмѣшливо Рахимъ бай.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Туркменецъ.

«Такъ нѣтъ тебѣ моей дочери.»

Туркменецъ уѣхалъ. Теперь его единственною мыслию, единственною заботой было добыть 400 тиллъ; но какъ добыть ихъ кочевому человѣку! Напрасно подстерегалъ онъ, близъ караваннаго пути, запоздалаго и оплошавшаго путника или другую добычу, — добыча была или слишкомъ скудна, или не подъ силу ему, а товарищѣй собрать онъ не могъ, потому что не пользовался извѣстностію батыря. Напрасно участвовалъ онъ въ барантахъ самыхъ отчаянныхъ, и ходилъ на море (Каспійское), — на промыселъ за плѣнниками: на долю его приходилось слишкомъ не много для того, чтобы скопить въ годъ или два такую огромную сумму, а терпѣнія Туркменца не хватило бы на болѣе длинный срокъ, да и мало-ль что могло случиться даже и въ это время!

Вдругъ блеснула ему счастливая мысль: отправиться въ Тегеранъ, сообщить англійской миссіи вѣсти объ Стотартѣ и Коноли, уже сидѣвшихъ въ ямѣ въ Бухарѣ, и вызваться доставить имъ письмо и привезти отъ нихъ отвѣтъ: предпріятіе, въ высшей степени отчаянное; но Рахманъ-Аязъ имѣлъ уже случай оказать разъ маленькую услугу Коноли и по опыту зналъ, какъ дорого платятъ Англичане за подобнаго рода дѣла. Задумано и сдѣлано. Черезъ нѣсколько дней, онъ бродилъ уже около Кана-хане и улучалъ время и обстоятельства, чтобы передать Коноли и Стотарту привезенное имъ изъ Тегерана письмо; но это сдѣлать было не легко, и онъ на первый разъ ушелъ безъ успѣха.

Вы вѣдь знаете, что такое Кана-хане? Это та знаменитая яма, темница, о которой я говорилъ въ первой книжкѣ «Странствователя»; она находится въ самомъ аркѣ, въ укрѣпленной цитадели, рядомъ съ Абъ-хане, не далеко отъ ханскаго дворца, почти между дворами, занимаемыми его гаремомъ и визиремъ; слѣдовательно проникнуть къ ней не легко, а возбудить подозрѣнiе сторожащихъ ее сарбазовъ, значило подвергнуть жизнь свою несомнѣнной опасности. Рахманъ-Аязъ вышелъ изъ арка съ тѣми же предосторожностями, какъ и вошелъ въ него.

Если вы встрѣтите на улицахъ Бухары человѣка, въ зашпаленномъ алачевомъ—непремѣнно алачевомъ халатѣ, подпоясаннаго веревкой, вмѣсто пояса, безъ верхняго халата, прикрывающаго опояску, по обычаю Азиатцевъ, въ черной суконной шапочкѣ, опушенной мерлушкой, вмѣсто чалмы, всегда пѣшаго, хоть грязь поколѣно, что въ Бухарѣ случается послѣ каждаго, даже небольшого, дождя, человѣка, робко прокрадывающагося по улицамъ съ опущенною головой, съ рѣдкою черной бородой, съ блестящими глазами, человѣка, котораго толкаетъ кто хочетъ, въ котораго мальчишки, забавы ради, кидаютъ камнями и грязью,—этотъ человѣкъ вѣрно жидъ. Если вы, пройдя отъ Регистана безчисленный рядъ улицъ и переулковъ, перейдете черезъ каналъ Шяхри-рудъ и поворотите въ лѣво отъ Турки-Джанды, то достигнете совершенно отдѣльнаго квартала, мрачнаго, грязнаго, большею частію пустыннаго, хотя съ домами, обращенными индѣ окнами на улицу, но эти окна всегда закрыты ставнями, лишеннаго отрадной зелени и даже хоузовъ, бассейновъ, довольно часто встрѣчаемыхъ въ Бухарѣ, — это кварталъ жидовскій, кварталъ паріевъ. Правовѣрный пробирается сюда изрѣдка, тайкомъ, или за запрещеннымъ напиткомъ,

или для коммерческих сдѣлокъ, или тайныхъ потребъ своего сердца.

Сюда отправился Рахманъ-Аязъ, видя явную необходимость въ посторонней помощи, хотя онъ съ такимъ же отвращеніемъ прибѣгалъ къ помощи жида, какъ бы прибѣгнулъ къ защитѣ самаго дьявола.

Евреи, разсѣянные по всей землѣ, болѣе или менѣе гонимые всюду, тѣмъ тѣснѣе жмутся другъ къ другу, если сойдется ихъ нѣсколько на чужбинѣ,—а для нихъ всюду чужбина,—тѣмъ крѣпче связаны духомъ единства, духомъ братства; это отличительная черта характера еврейскаго племени; она только и осталась отъ всего хорошаго, родоваго въ народѣ, между Евреями бухарскими. Религія здѣшнихъ Евреевъ искажена въ высшей степени; не имѣя ни священныхъ книгъ, ни равиновъ, они только ощупью, по наслышкѣ, исполняютъ главнѣйшіе обряды и празднуютъ нѣкоторые дни. Почтенный Вольфъ приходилъ отъ нихъ въ совершенное отчаяніе. Все вниманіе здѣшняго жида устремлено на защиту своей собственности отъ безпрестанныхъ покушеній бухарскихъ властей и на стремленіе къ ея увеличенію, какъ ни ограничены къ тому его средства. Многіе изъ Евреевъ, чтобы избавиться отъ угрожавшей имъ, за какое-нибудь преступленіе, казни, приняли магомметанскую религію; еврей-магомметанинъ долженъ перейти въ другую часть города и взять жену магомметанку, какуюнибудь плѣнницу; впрочемъ, въ душѣ, онъ остается поклонникомъ закона Моисеева, въ тайнѣ посѣщаетъ жидовскій кварталъ, который онъ себѣ усвоилъ, съ которымъ сроднился за неимѣніемъ родины.

Грустное зрѣлище представляетъ человѣкъ, повсюду преслѣдуемый людьми, безъ родины, безъ вѣры, безъ

*

защиты отъ правительства. Надобно сознаться, что христіанскія правительства, въ средніе вѣка, преслѣдовали Иудейское племя еще съ большимъ ожесточеніемъ: извѣстенъ Толедскій эдиктъ въ Испаніи, которымъ Евреи подвергались совершенному рабству, лишенію всѣхъ правъ гражданства, и дѣти ихъ, старше семи лѣтъ, исторгались изъ семей своихъ.—Вслѣдъ за тѣмъ пала гроза на Испанію, нагрянули Мавры, и Евреи получили отъ магомметанъ законное покровительство, которое тщетно выпрашивали и выкупали отъ христіанъ. Еще въ наше время одинъ изъ представителей конституціоннаго правительства сказалъ во всеуслышаніе. «Я ненавижу угнѣтеніе, подъ какимъ бы видомъ оно не проявлялось; я *другъ человечества*; но первый скажу, жгите жида, гдѣ встрѣтите въ государствѣ; жгите его живаго!» Это очень по-человѣчески и по-дружески!

Рахманъ-Аязъ постучался у одного домика, нѣсколько уже склонившагося на сторону отъ старости, но все еще лучшаго въ этомъ нищенскомъ кварталѣ, и на повторенный нѣсколько разъ стукъ отозвался голосъ, хриплый и отрывистый, а послѣ нѣсколькихъ объясненій дверь отворилась и показался низенькій, тощій старичокъ, съ маденькою сѣдою бородкой, прикрытый чѣмъ-то, совершенно неопредѣлительнымъ, самъ Сауль-Качкаданъ,—какъ звали его всѣ Бухарцы.—

Этотъ Еврей былъ въ связи со многими близкими къ особѣ хана; онъ снабжалъ ихъ тайно виномъ, подъ часъ другимъ зельемъ, въ которомъ нуждаются старики; говорятъ даже, что для ихъ услуги, онъ готовъ былъ и на болѣе святотатственныя дѣла; какъ бы то ни было, особа его была болѣе обезопасена, чѣмъ особа каждаго другаго жида въ Бухарѣ, и ему поручено было

даже судейское разбирательство въ неважныхъ случаяхъ между Евреями.

«Чѣмъ могу тебѣ служить?» спросилъ сухо Сауль-Качкаданъ.

— Мнѣ нужно вина. —

«Какое у меня вино! Чтобъ я, старикъ, сталъ держать у себя этотъ богопротивный напитокъ.

— Послушай! Я здѣсь прїѣзжій, какъ ты самъ видишь по моей одеждѣ и языку; никого почти не знаю въ городѣ и выдать тебя не могу и не захочу, потому что я честный Туркменецъ, а не таджикъ какой-нибудь; къ тому же я другъ Абдурессуля, а онъ сказалъ, что я могу обратиться къ тебѣ въ случаѣ нужды и во всемъ положиться на тебя; нужда пришла.

«Абдурессуль былъ моимъ истиннымъ благодѣтелемъ; говори, что тебѣ надобно,—нѣтъ, прежде скажи, можешь ли мнѣ заплатить за услугу: я бѣдный человѣкъ».

— Могу.

«Вотъ тебѣ вино, а что дальше?»

«Ты вхожъ въ домъ Рахимъ-бая?»

«Да; онъ жалуется меня.

— Можешь видѣть дочь его?»

«Почему же нѣтъ! Самъ знаешь, жидъ, и дряхлый жидъ, таже тряпка въ глазахъ истиннаго магомметанина; а что осквернить она домъ правовѣрнаго, — не бѣда: можно сдѣлать омовеніе, сказалъ Сауль-Качкаданъ и наблюдатель болѣе опытный, чѣмъ нашъ Туркменецъ, могъ-бы замѣтить злую иронию въ этихъ словахъ; къ тому же, продолжалъ онъ, я принесу отцу вина, а дочери коралловъ и еще кое-какихъ бездѣлушекъ, что такъ нравятся дѣвушкамъ: ей же они теперь нужны, къ свадьбѣ».

— Къ свадьбѣ! и Туркменецъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Тайна его вполне была открыта Еврею. «Не пугайся, сказалъ онъ, это еще однѣ предположенія; можетъ-быть свадьба и не состоится.

— А за кого прочать Нюръ-Пашу?

«За джелия.

Джелиль, палачъ въ Бухарѣ не то, что палачъ въ Европѣ, и потому тѣ очень ошибутся, которые будутъ судить о бухарскомъ палачѣ по нашимъ европейскимъ понятіямъ. Правда, и тамъ обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы казнить людей и иногда исполнять приговоры къ тѣлесному наказанію, говорю иногда, потому что для этого каждый живущій у эмира пригоденъ въ силу частыхъ упражненій; но въ Бухарѣ палачъ лицо уважаемое; какъ потому, что онъ пользуется довольно большими доходами, а въ землѣ купцовъ ни что такъ не уважается, какъ богатство, такъ и потому, что никто не можетъ поручиться за себя, чтобы не попался въ его руки. Практика палача довольно значительна, какъ можно судить изъ того что въ 1841 году, въ теченіи одного мѣсяца, казнено 17 человекъ, въ томъ числѣ 4 женщины. Доходъ его состоитъ въ остаткахъ имущества казеннаго, говорю въ остаткахъ, потому что главное идетъ въ казну хана; кромѣ того, родственники осужденнаго платятъ палачу какъ по обязанности, такъ и потому, чтобъ избавить отъ мученій свою жертву, и поскорѣе совершить переходъ ея отъ жизни къ смерти. Палачъ, лицо довольно приближенное къ особѣ эмира и нерѣдко удостоиваемое почетнаго ножа отъ руки его и даже халата съ плеча ханскаго.

— Скажи Нюръ-Пашѣ, чтобы не выходила ни за кого

замужь, скажи ей, что еще скошенный лугъ не позеленѣеть, а я вернусь опять въ Бухару и заплачу за нее выкупъ отцу. А если она меня не послушаетъ, если джелиль ей болѣе миль, чѣмъ я, пускай выходитъ за него, пускай вмѣстѣ тѣшатся надъ тѣмъ, что я за женщину жертвовалъ жизнію; но пусть знаетъ она, что и мертвый, я не дамъ ей покоя. Я поклялся добыть ее вочтобы ни стало, и сдержу клятву,—а ея клятва, принадлежать мнѣ и никому другому, легче моей.

«Такъ чѣмъ же ты думаешь заплатить Рахимъ-баю за дочь? вѣдь я знаю, каковъ онъ! говорятъ, и джелиль кричатъ,—такъ велика сумма, что заломилъ таджикъ!

Турменець призадумался. Какъ ни легковѣренъ былъ сынъ степей, онъ открылъ Саулъ-Качкадану тайну своего сердца въ увѣренности, что ему нѣтъ выгоды воспользоваться ею и предать бѣднаго Туркменца: но выдать тайну людей, которыхъ принялъ съ клятвой на свою отвѣтственность, тайну, отъ которой зависитъ ихъ жизнь,—онъ не рѣшался. Съ другой стороны, онъ видѣлъ всю невозможность исполнить одному возложенное на него порученіе; зналъ очень хорошо, что жиды одни во всей Бухарѣ, вѣроятно во всей Средней Азій, радовались успѣху Англичанъ въ Авганистанѣ, душою преданы ихъ дѣлу, въ надеждѣ на перемѣну своей горькой судьбы, и не разъ уже помогали Стотарту въ Бухарѣ, Шекспиру въ Хивѣ, что жидъ за деньги готовъ отважиться на многое, за деньги онъ даже будетъ смѣлымъ, по возможности, не только честнымъ, а Саулъ-Качкадана онъ кромѣ того зналъ по наслышкѣ отъ своего друга, какъ мы уже замѣтили, за человѣка вѣрнаго.

«Мнѣ нѣтъ дѣла знать, гдѣ ты возьмешь денегъ, ска- залъ жидъ, хоть займи ихъ у дьявола. . . .

— Зачѣмъ говоришь ты такія слова!

«Но мнѣ надобно удостовѣреніе, что деньги дѣйствительно будутъ у тебя. Мы вѣдь для того орошаемъ землю поѣтомъ, чтобы она дала плодъ. А какъ не знать мнѣ, что у бѣднаго Туркменца, кромѣ коня да нагайки, ничего быть не можетъ.

Туркменецъ нѣсколько времени колебался между сомнѣніемъ и необходимостію, и наконецъ, благословясь въ душѣ, рѣшился взять себѣ въ помощники Сауль-Качада, и рассказалъ, въ чемъ дѣло. Глаза жиды засверкали, какъ у кошки, почувшей близость добычи, улыбка показалась на блѣдныхъ и иссохшихъ устахъ, а эта улыбка являлась только при видѣ свѣтлыхъ очей визира, и то по заказу.

— А отъ кого и какъ получишь ты деньги въ случаѣ успѣха?

«Половину здѣсь, отъ одного Индійца, по запискѣ, которую дастъ Стотартъ въ случаѣ успѣха въ дѣлѣ, другую въ Тегеранѣ.

— Хорошо, хорошо: деньги вѣрныя.

«Теперь исполнишь, о чемъ я просилъ тебя и передашь мое порученіе?»

— Непремѣнно исполню.

«А какъ приступить намъ къ дѣлу Англичанъ, какъ обмануть бдительность тюремной стражи?

Еврей призадумался. Ворота въ аркъ запираются вечеромъ, разсуждалъ онъ, относя эти слова болѣе къ самому себѣ, чѣмъ къ своему собесѣднику, и у нихъ всегда надежный караулъ, большею частію изъ людей, преданныхъ хану: тутъ нечего и пытаться; во всякомъ случаѣ надобно перелѣзть черезъ стѣну арка. Только, знаешь,

безъ лишнихъ приготовленій, безъ лѣстницы, иначе замѣтить, съ одною веревкой..... ты это можешь сдѣлать?

— Могу. Была-бъ только темная ночь.

«А тамъ, продолжалъ еврей, опять какъ бы говоря самому себѣ, едва выжимая слова сквозь зубы, тамъ опять эти проклятые сарбазы у самой тюрьмы; правда, между ними бѣольшая часть Персіянъ, которые хоть и приняли сунитскій законъ, однако въ душѣ своей все таки остаются шитами; все таки помнить свою родину и то, что они тутъ плѣнники и по неволѣ служатъ въ ханскомъ войскѣ: на нихъ иногда можно понадѣяться въ дѣлѣ измѣны; правда трусы, и при первой попыткѣ выдадутъ тайну; но надобно, чтобъ они не знали ее вполнѣ. Улучить бы только такое время, когда въ караулѣ будутъ стоять люди повѣрнѣе и понадежнѣе для насъ; а тамъ подкупъ, вино....»

Новые знакомцы тольговали еще нѣсколько времени, условились въ нѣкоторыхъ мѣрахъ, и разстались.

Въ темную, дождливую ночь, Рахманъ-Аязъ пробирался по площади Регистана. Онъ часто останавливался и прислушивался ежеминутно, потому что стѣны арка были уже передъ его глазами. Вдругъ, слышалъ онъ шаги позади себя, и прислонился къ стѣнѣ медресе Кошъ - Абдулла-ханъ; тяжелые шаги людей, по колѣно грузнувшихъ въ грязи, дѣлались все слышнѣй и слышнѣй; мелькнулъ свѣтъ фонарей, которые несли впереди два человека, за ними шель третій, также съ фонаремъ: это былъ бухарскій джелиль, палачъ; Турменецъ ясно узналъ его, вооруженный веревкой и ножомъ, онъ готовъ былъ кинуться на своего соперника, задушить или зарѣзать его; но благоразуміе не позволяло вступить въ открытый бой противъ троихъ; кровь кинулась ему въ лицо, невольное движеніе, отъ котораго онъ не могъ воздержаться, обра-

тило на него вниманіе джелиля, который дозоромъ обходилъ городъ, по обязанности своей, и какъ гончая собака озирался поминутно вокругъ.—Фонарей,—закричалъ онъ своимъ провожатымъ. Рахманъ-Аязу нельзя было ни убѣжать, ни скрыться на мѣстѣ: онъ очутился лицомъ къ лицу противъ палача.

«Что ты дѣлаешь, а? зачѣмъ шляешься по городу въ такую темную ночь? говори!

— Ушла лошадь, такъ иду къ старому ея хозяину; не тамъ-ли!

«Зачѣмъ не дождался зари?

— На зарѣ надо ѣхать, а на голодной лошади не далеко уѣдешь.

«А почему нѣтъ у тебя фонаря?

— Гдѣ взять Туркменцу фонарь.

«Ступай домой, и чтобъ я тебя больше не встрѣчалъ, не то сейчасъ въ тюрьму.»

— А встрѣтишься въ другой разъ, самъ не будешь радъ такой встрѣчѣ, пробормоталъ Рахманъ-Аязъ.

— Зачѣмъ впускаютъ въ городъ эту кочующую тварь, говорилъ уходя джелиль; а еще безъ особыхъ причинъ не тронь ее, потому что ханъ покровительствуетъ кочевья племена: нужда въ нихъ большая; только разбойничаютъ!

Голосъ и шаги джелиля затихли въ отдаленіи. Рахманъ-Аязъ обогнулъ Регистанъ и зашелъ со стороны медресе Дарульшифа къ самой стѣнѣ арка: тутъ стѣна дѣлаетъ небольшой уступъ внутрь и потому всего болѣе сокрыта отъ постороннихъ глазъ; къ тому-же отсюда всего ближе къ Кана-хане, разумѣется со внутренней стороны. Рахманъ-Аязъ бросилъ черезъ стѣну камень, вокругъ котораго былъ обвить конецъ веревки, и дернувъ ее по-

томъ, убѣдился, что она надежно укрѣплена съ другой стороны: это было дѣло союза съ Сауль-Качкаданомъ, и Туркменецъ въ душѣ своей благословлялъ его. Еще минута, и онъ карабкался по стѣнѣ; онъ уже былъ на верху ея, какъ раздалися шаги, вѣроятно часоваго внизу, и Рахманъ припалъ къ стѣнѣ; сердце его сильно билось. Что еслибы этотъ часовой проходилъ минутой раньше, въ то время какъ онъ былъ еще внизу!... Когда шаги затихли, Туркменецъ нѣсколько приподнялся и по веревкѣ сползъ внизъ, но веревка не доставала до земли, и онъ, не измѣряя, не видя высоты, остающейся до земли, соскочилъ внизъ.

Внутри арка не видно было ни души, онъ даже не встрѣтилъ своего таинственнаго сообщника, который прикрѣпилъ конецъ его веревки. — Что, думалъ онъ, если жидъ ведетъ меня на погибель и гдѣ нибудь скрыта засада. Но что ему пользы, если однимъ Туркменцемъ будетъ меньше! много ли дадутъ ему за меня? и онъ смѣлѣе подошелъ къ Кана-хане. Пьяный сарбазъ спалъ крѣпко. Рахманъ-Аязъ подползъ къ узкой щели, служившей вмѣсто окна для заключенныхъ и просунулъ въ нее свернутую бумажку. Прошло нѣсколько секундъ, а бумажка оставалась нетронутою, на мѣстѣ; онъ опять началъ думать, что жидъ измѣнилъ тайнѣ и тюремныхъ затворниковъ болѣе не существуетъ, двинулъ разъ два бумажку, чтобы шелестомъ ея обратить вниманіе заключенныхъ и эта хитрость имѣла успѣхъ: бумажка вскорѣ исчезла. Рахманъ-Аязъ сталъ дожидать отвѣта; онъ свернулся, какъ могъ, чтобы меньше занимать мѣста и быть непримѣтнѣй, притаилъ дыханіе, старался задушить самыя мысли, которыя, надобно сказать, въ эту пору у него были очень не покойны, тѣмъ болѣе, что повреме-

намъ, когда рѣшался приподнять голову, онъ видѣлъ огонекъ въ домѣ визиря и даже слышалъ, или по крайней мѣрѣ ему казалось, что слышитъ шаги сторожевыхъ, ходившихъ вокругъ дворца хана и шумъ пировапія въ его мужскомъ сералѣ. Минуты ожиданія казались вѣгомъ для Туркменца, и мучительное томленіе сердца не разъ заставляло его забывать осторожность и приводило въ невольное движеніе; наконецъ показалась давно ожидаемая записка: это былъ отвѣтъ заключенныхъ. Радостно схватилъ ее Рахманъ-Аязъ и въ нѣсколько скачковъ достигъ до стѣны, отыскалъ висѣвшій въ воздухѣ конецъ веревки, кое-какъ вскарабкался до него и потомъ спустился, на другую сторону стѣны. Черезъ нѣсколько часовъ, рано на зарѣ, былъ онъ уже за городскою стѣною.

О, весело забилося сердце его, когда онъ увидѣлъ себя опять на своей родимой почвѣ, въ степи, на своемъ добромъ конѣ, съ драгоценною добычей. Мысль обладанія Нюръ-Пашой не казалась ему болѣе пустою химерой: Туркменецъ строилъ въ умѣ своемъ самыя блестящія планы: онъ думалъ о своемъ счастіи, которое такъ было близко для него; онъ думалъ о радости Нюръ-Паши, когда она узнаетъ, что Рахимъ-бай согласился на бракъ ея съ нимъ, съ простымъ Туркменцемъ, и мало-ль о чемъ думалъ счастливецъ: мысли его вихремъ носились въ радужномъ мірѣ и переполненное сердце куналось въ радости.... казалось и добрый конь его раздѣлялъ радость всадника, и весело помавая ушами, частой рысью ѣхалъ по вязкой, глинистой грязи. Рахмать-Аязъ направлялся къ Кара-Кулю. Вскорѣ южное солнце изсушило растворившуюся почву и стало обычнымъ царемъ въ зенитѣ. Утомленный конь и путникъ пріостановились. Было очень душно.

Прошло нѣсколько времени. Туркменецъ готовился въ дальнѣйшій путь. Какъ - то странно было въ природѣ: солнце нѣсколько поблекло и не изливало своихъ яркихъ лучей, а воздухъ былъ жарче прежняго; совершенная тишина царствовала вокругъ. Вдругъ путникъ нашъ замѣтилъ не вдалекѣ темную точку: она винтообразно кружилась на одномъ мѣстѣ, и все росла, росла, и понеслась огромнымъ столбомъ черной пыли, котораго верхушка представлялась въ видѣ бѣлесоватой, курчавой опушки, а вся масса была черна и непроницаема для взора. Это былъ песчаный тифонъ; его не должно смѣшивать съ вихремъ, или песчанымъ бураномъ, потому что онъ зараждается среди совершенной тишины, несется болѣе сжатой массой, и потому сила его страшнѣе и сокружительнѣе, чѣмъ дѣйствіе обыкновеннаго вихря; вообще это воздушное явленіе, довольно частое въ степи, кажется, еще не совсѣмъ объяснено. Едва конь и всадникъ успѣли припасть къ землѣ, первый, руководствуясь опытомъ, а второй, инстинктомъ, какъ песчаный тифонъ пронесся надъ ними, увлекая за собою и сокрушая все, до чего онъ касался.

Дурной знакъ, произнесъ Рахманъ-Аязъ, и не на шутку призадумался. Его суевѣрному воображенію уже видѣлся злой духъ, выходившій изъ темнаго облака и знаменовавшій ему горе. Печально сѣлъ онъ на коня, и отправился въ путь. Вскорѣ достигъ онъ Кара-Куля, дрянной бухарской крѣпости, и пріостановился здѣсь на нѣсколько часовъ, чтобы купить заводную лошадь и поспѣшнѣе продолжать путь.

Еще не успѣлъ онъ совершить омовенія, о которомъ на этотъ разъ не забылъ, какъ явилось къ нему нѣсколько человѣкъ и объявили, что его требуетъ къ себѣ

курганъ-беги *): сердце замерло у Туркменца; однако онъ не показалъ ни малѣйшаго смущенія и отправился куда приказывали; за нимъ повели его лошадь.

«У тебя есть письмо отъ англійскихъ плѣнниковъ, что въ Бухарѣ!» сказалъ курганъ-беги, грозно обращаясь къ Туркменцу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ съ твердостью.

Курганъ-беги велѣлъ обыскать при себѣ Рахманъ-Аязу. Шарили вездѣ, изрѣзали въ куски его одежду, смотрѣли въ гривѣ, въ хвостѣ его лошади, между всѣми изгибами тѣла коня и всадника, и ничего не отыскали.

«А письмо все таки у тебя; признайся, не то худо будетъ.»

— Не въ чемъ признаваться: у меня нѣтъ никакихъ писемъ.

Ясно было, что Сауль-Качкаданъ, уже получившій отъ Индйца свою долю платы за пособіе Рахманъ-Аязу, высказалъ его тайну хану или кому нибудь изъ его приверженцевъ, чтобы получить новую плату и довершить торговый оборотъ столь выгоднаго дѣла. Но Туркменецъ лучше согласился бы умереть, чѣмъ измѣнить дѣлу англійскихъ плѣнниковъ: онъ подвергся пыткамъ.

Въ первый день его били нагайками: Рахманъ-Аязъ терпѣлъ и молчалъ. Во второй день ему заколачивали гвозди подъ ногти всѣхъ пальцевъ:—Рахманъ терпѣлъ и молчалъ. Въ третій день водили по обнаженному тѣлу его раскаленнымъ желѣзомъ: Туркменецъ все молчалъ. Хотѣли наконецъ ломать его составы и кости, но онъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи, едва дышалъ. Ему

*) Курганъ-беги, начальникъ крѣпости.

дали вина для подгрѣпленія, и винные пары отуманили его голову.—Конечно не для спасенія своей жизни, но въ какомъ-то безсознательномъ, полупьяномъ состояніи, онъ высказалъ тайну.....Запаенное въ свинцовый листъ письмо было найдено въ копытѣ, подъ подковой его лошади.—

Само собою разумѣется, что письмо не содержало въ себѣ никакой тайны, да никто и прочесть его не могъ; тѣмъ не менѣе, измученное, едва движущееся тѣло Туркменца отправлено было для казни въ Бухару, какъ бы для того, чтобы придать болѣе торжества этому событію.

Въ Бухарѣ есть обычай, осужденнаго на казнь вести въ особую комнату и угощать его различными яствами и напитками, что очень напоминаетъ то время, когда Римляне давали пиры въ триклиніумѣ своимъ рабамъ, которыхъ потомъ выводили на арену, для травли тиграми. У Туркменца не было ни родственниковъ, ни друзей, чтобы приготовить и раздѣлить съ нимъ предсмертную трапезу; но нашлись благочестивые люди, которые принесли ему рису и разныхъ плодовъ, и оставили одного въ комнатѣ. Физическое изнеможеніе Рахманъ-Аяза отразилось и на его нравственныхъ силахъ: онъ находился въ какомъ-то безчувственномъ состояніи души и машинально касался яствъ. Въ это время дверь отворилась, и мальчикъ, робко озираясь кругомъ, подбѣжалъ къ Туркменцу.

«Ты будешь отомщенъ, и скоро, черезъ недѣлю!» произнесъ онъ тихо, и исчезъ.—Судорожная улыбка на устахъ Туркменца показала, что онъ выразумѣлъ эти слова и утѣшился.

Казнь совершалъ бухарскій джелиль, соперникъ бѣднаго Туркменца, и въ это время уже счастливый обла-

датель Нюръ-Паши. И только одно сердце во всей Бухарѣ сочувствовало страдальческой кончинѣ бѣднаго Рахманъ-Аяза и дрогнуло при его воплѣ,—это сердце Нюръ-Паши, оставшееся вѣрнымъ ему и послѣ ненавистнаго ей брака.—Нужно ли говорить, что въ Бухарѣ, какъ между всѣми азиатскими народами, особенно осѣдлыми, въ дѣлѣ брака не спрашиваютъ желанія невѣсты, и рѣшеніе отца въ этомъ случаѣ непрекословно.

Джелиль зналъ о предложеніи Туркменца Рахманъ-баю, и о томъ, что Нюръ-Паша не хотѣла никому принадлежать, кромѣ Рахимъ-Аяза. Какъ истинный Бухарецъ, онъ былъ недовѣрчивъ ко всѣмъ и остерегался своей жены; спалъ въ отдѣльной отъ нея комнатѣ, не ѣлъ ничего, приготовленнаго дома. Но вскорѣ Нюръ-Паша, безпрерывными угожденіями, ласками, рабскою покорностію, умѣла совершенно истребить всякое подозрѣніе въ душѣ джелиля. Они сблизились. Можете себѣ вообразить внутреннюю борьбу женщины, у которой жажда мести кипѣла въ груди, а улыбка притворства не сходила съ устъ, а наружное спокойствіе должно было выражаться во всѣхъ движеніяхъ ея; женщины, согрѣвавшей своими жаркими объятіями человѣка, которому въ тоже время готовила страшную казнь.

Ровно черезъ недѣлю, въ тотъ самый часъ, въ который былъ казненъ Рахманъ-Аязъ, нашли изуродованное тѣло джелиля на его брачной постели. . . . Родственники его объявили убійцей Нюръ-Пашу, которая, какъ извѣстно, не любила своего мужа, тѣмъ болѣе, что и убійство было совершено въ такую пору, когда въ спальнѣ никого не было, кромѣ одной жены. Нюръ-Паша не дождалась пытки и созналась въ убійствѣ. Напрасно Рахимъ-бай предлагалъ родственникамъ джелиля выкупъ за

кровь его, чтобы спасти жизнь своей дочери. Они требовали мести, и несчастная женщина выведена была на площадь Регистана на растерзаніе толпѣ родственниковъ джелиля, которые какъ стая голодныхъ волговъ жаждали крови и уже роптали за медленное исполненіе приговора. Картина, невыразимо ужасная!

Тѣсная площадь Регистана была залита народомъ, а все таки не вмѣщала и части любопытныхъ, которые толпились на улицахъ, на крышахъ сосѣднихъ домовъ; только небольшой кругъ возлѣ самаго хоуза былъ очищенъ отъ народа, какъ мѣсто дѣйствія, мѣсто казни. Самъ ханъ, окруженный своими ближними, изъ арка, изъ своей цитадели, незримый толпою, смотрѣлъ сквозь небольшое отверстіе въ стѣнѣ на кровавое зрѣлище... Несчастную Нюръ-Пашу силою вырвали изъ объятій ея родныхъ, и вторгнули въ зачарованный кругъ, изъ котораго уже не было исхода; но ей еще осталось пройти нѣсколько шаговъ до рубежа, гдѣ должны начаться ея мученія: она было остановилась, увидѣвши прямо противъ себя толпу родственникововъ джелиля, горящихъ нетерпѣніемъ и жаждой крови ея; но грозный голосъ распорядителя казни заставилъ ее двинуться впередъ. Медленно, робко приближалась она къ роковой грани, отдѣлявшей отъ жизни: сзади ея былъ міръ, со своею роскошной природой, со всѣми радостями, какія онъ представляетъ молодости и красотѣ; впереди, страшная пытка—и сердце Нюръ-Паши замерло. Силою толкнули ее за рубежъ и вдругъ ватага мальчишекъ и дѣвочекъ, составлявшихъ передовую фалангу этой толпы, которая систематически распредѣлила свою месть, кинулась на жертву: сотня иглъ впиалась въ ея тѣло, сотни ударовъ посыпались на нее; нѣкоторые дѣвочки впились въ нее зубами, и терзали ее.

Невыразимыя муки изображались на лицѣ ея истерзанномъ, но все еще прекрасномъ, и стоны, глубокіе, прерывистые стоны, раздирали сердца, самыя безчувственныя; кровь струилась ручьемъ, куски одежды и тѣла летѣли поминутно, но мстители оставались неумолимы и когда жертва и мелкій народъ палачей уже изнемогали, явились старшіе фамиліи, на долю которыхъ досталось уже немного страданій бѣдной Нюръ-Паши. Пронзительный вопль ея возвѣстилъ, что все уже было кончено для нея на свѣтѣ, и что раздраженные палачи ея терзали уже холодный, бездушный трупъ.....

ПОѢЗДКА

ВЪ КУЛЬЖУ.

Купеческій караванъ уже собрался и черезъ нѣсколько дней готовъ былъ выступить изъ Семипалатинска по направленію къ Чугучаку и Кульжѣ. Мы отправились впередъ, въ степь къ султану Кошь-Магоммету, чтобы потомъ присоединиться къ каравану.

15-го Ноября мы оставили Семипалатинскъ. Два слова о Семипалатинскѣ: это маленькій пограничный городокъ въ Западной Сибири, на Иртышѣ. Лѣтомъ въ Семипалатинскѣ чрезвычайно жарко и весь онъ занесенъ сугробами песку. Зимой въ Семипалатинскѣ очень холод-